

Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Боже, за что эти зимы
жившим когда-то в раю?
Тянутся вроде резины,
жизнь убивая твою.

Вот бы нам вечное лето,
кущи да реки вина,
но, как Безумная Грета,
бродит по свету зима.

И никуда тут не деться:
лезет ножом ледяным
истины в самое сердце,
невыносимой иным:

жизнь и судьба — поле брани,
а не вранья, сибарит.
Коль ничего уж не ранит
и ничего не болит,

браться за слово что толку
сердцем, холодным как лед?!
И сибарит без умолку
воет, но больше не врёт

ни про побитую Еву,
ни про потерянный рай.
Если не взять для сугреву,
значит, лежи, умирай...

Нет, не звучит «Рио-Рита»
больше. Хоть волком ты вой —
в зябкой душе сибарита
только Шопен гробовой...

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор восьми книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Поздравляем нашего постоянного автора с юбилеем!

И лишь бутылке «Столичной»
жизнь изливаешь свою,
горькой, порочной, двуличной,
сладкой, как Ева в раю.

* * *

Род горестный, объект пустых острот,
дремучий, как кембрийская порода
(назвал же ведь какой-то Геродот
народом тех, что рады здесь на МРОТ
и даже при нехватке кислорода).

Кому здесь рабство Богу — на роду,
всю ту орду (но как назвать народом
тех, что с подлунным миром не в ладу,
все ищут рай потерянный в аду?!)
решился рот набить запретным плодом.

Столетия клял себя, а тут взалкал:
пожить не хуже немца, мол, охота...
Ах, эти вопли с аглицких лекал!
Какой подлец, гнильцы подлив в бокал,
из стратотерпца сделал идиота?!

Какой еще наследный Радзивилл
им в уши влил, что здесь тому услада,
кто стыд в себе, как гада, раздавил,
сменил на Ниццу Нижний свой Тагил,
а Бога просто вышвырнул из Сада?

А если все же — Богу по рогам
и двинуть всей ордою на Багамы
в объятия к расхристанным богам,
что мир сперва кладут к твоим ногам
и после лезут в душу сапогами?!

* * *

Чужие окурки с утра
и чьи-то счастливые корки,
смирившись, сметай со двора,
а то ведь сошлют на задворки.

Будь равным среди голубей
и молча учись сторониться,
когда, изрекая: «плебей»,
по Риму шагает патриций,

который ведь вправе кричать
и, выпятив губы, как дуче,
здесь круглую ставить печать
на плебса печальную участь...

Который ведь может — в расход
того, кто, наевшись эрзаца,
здесь жив всем законам в обход
по чьей-то ошибке, признаться...

Все так и задумано. Гнет
неравенства — божья идея.
Чтоб двигалось время вперед,
патриций имеет плебея.

Один наедает живот,
другой гложет корку, стеная,
и замысел божий живет
не хуже чем пьеса иная,

и все тут как надо, пока
там ангелы смерти на это
вполглаза глядят из райка,
лаская свои пистолеты.

* * *

От толп, что сбивались тут в орды,
я дар Твой духовный берег,
вдоль Мойки носил его гордо
лихим временам поперек.

Ведь лишь на окольном да узком —
вдоль Мойки, где русская речь
звучит еще чуть по-французски, —
и можно его уберечь.

Ни с кем не желая делиться
ни жестом, ни словом, держал
за пазухой синюю птицу,
как острый персидский кинжал.

«Ни тем не видать и не этим!» —
так думал об этой своей,
что все понимала, заметим,
не то что иной соловей,

который без устали свищет,
как баба полощет белье...
Таилась моя, лишь глазища
по-волчьи сверкали ее.

Средь толп озверевших молчала,
как столп с запечатанным ртом,
«о чем?» задаваясь сначала,
«зачем?» сомневаясь потом.

Промчалось... У вот уже пуха
за пазухой стынет труха.
И голос носителя духа
внезапно дает петуха:

мол, мир все грязнее с изнанки,
и все безразличней ему,
что Мойка течет из Фонтанки,
чтоб кануть, как в Лету, в Неву...

Не бог весть какая утрата
для эры, где всяк Демокрит
про черный пиар Герострата
с восторгом соврать норовит,

эпохи, что мухи навозной
местами уже бронзовой...
Хотя кукарекать-то поздно,
боюсь, гражданин соловей.

* * *

Глядел, как толпы строились в ряды
и прошлое топтали, словно орды...
Я не топтал, хоть родом из орды,
предвидел: прикарманят их труды
те, что потом себе наели морды —
от греков да поморов разных лорды.

Ах, кто из нас икру здесь не метал,
когда читал в начале «Капитал»,
кто не клеймил неравенство, бывало?!
Где веры благородный тот металл?
На что пошел, когда ни слов не стало
о самом человеческом вдруг, ни сала?

Я думаю, виновны не враги:
попкорн, хот-дог да с таким пироги,
а рабских душ лукавая природа,
что тут же совесть ставит на торги,
когда вдруг Бог изымет у народа
все: от любви к гробам до кислорода...

Ах, век любой для нас почти беда
и вред сплошной: то подлая среда,
то пятница убийственная... Эка!
Да разве не везде так и всегда,
ты, ждущий воскресенья четверть века,
пока в помора раком впился грека?!

Терпеть бы нам до Страшного суда:
не гнуть, не рвать, не сбрасывать... Тогда
и был бы нам венец, убогим, впору...
Но тем, кто все пограл, теперь куда,
к продажному какому прокурору,
что не вменит ни греку, ни помору?

* * *

Я был в союзе молодежи,
коммунистическом притом:
простые Коли и Сережи
да бюстов ленинских бетон.

Там шла рутинная работа
по воспитанию в себе
такого, знаешь, идиота,
что брешь собой заткнет везде,

и здесь отдаст, и там поможет,
пока себя не потерял...
что весь — для нужд страны, положим,
простой расходный материал...

Мы там себя все побеждали
внутри себя. На Первомай
несли всеобщего скрижали:
«Не плачь», «Не думай», «Не замай»...

Шли под дождем, и не ржавели,
и не болели ОРВИ...
Какие, к черту, Куршавели
и миллионы на крови?!

Сплошные смычки, плавки, сцепки...
Да кто из нас навскидку вдруг
мог отличать там Клару Цеткин
от, скажем, Розы Люксембург?!

Кому там Маркс был старшим братом?!
Ну, кто в уме там падал ниц
перед этим агнцем бородатым
и жил, не лапая девиц?!

Да, зрели там шестой палаты
времен грядущих усачи:
Иуды, Ироды, Пилаты,
Нероны, Гидры, Геростраты —
сплошь — отравители врачи.

Но кто в герои не рядился
и ради благ не грыз удила,
тот разумом не повредился
и родине не навредил.

* * *

Стих уж не агнца блажь, скорее
хазаров варварский галдеж,
где, коль отважишься хореем,
боюсь, костей не соберешь.

Трехстопный ямб — уже угроза,
а пятистопным не дадут,
мол, если ты изгой, Спиноза,
изволь забыть родной талмуд...

О самом страшном — что стараться?!
О сокровенном, спав с лица —
что восклицать?! Живи с прохладцей.
Ты — царь сухмылкой наглеца.

Лукавым временем обласкан,
ты лишь затем пришел сюда,
чтоб, сцапав ангела за лацкан,
избегнуть Страшного суда.

Ты Брутом брата, если надо...
Тебе и вечность не страшна
с ее бараком вшивым ада
и жизнью поперек рожна.

* * *

Гонимый веком на убой,
я должен был успеть любому
шепнуть на ухо, что любой
бесценен небу голубому,

что жить здесь, может, и беда,
но *там* — для всех простор и крылья,
что нам зачтется лебеда
и легкость нищих душ ковыля...

Что — лишь держи прямее строй!
Пусть тех, идущих против, — втрое,
ты веру в светлое утрой,
и никогда не рухнет Троя...

Все в прошлом. Не обув бахил,
век озверевший лезет в души.
Не слишком лихо ли Ахилл
тroyанцев, словно рыбу, глушит?!

Людей бы надо поберечь,
их средь зверья — и так не густо...
Иль порубить Ахиллов меч
решил все лишнее в капусту?

Нам Троя больше не нора...
Век победивший, что прозектор,
смерть выдает тут на-гора,
и ты лежишь себе, как Гектор,

поднять не в силах головы,
чтоб доиграть достойно драму,
и труп твой проклятый, увы,
не нужен даже и Приаму...